

понимании этих слов.²⁵ Троян в «Слове» — подлинное историческое лицо и именно римский император Траян, а не какой-либо мифический или литературный образ, это образ славянский, свой, незаимствованный, «выросший в культурно-исторической обстановке славянского населения Киевско-Дунайской области».²⁶ «Между населением Симеоновской Болгарии и населением Киевской Руси, — пишет автор, — не было никакого разрыва, и река Дунай служила лишь политической границей, отделявшей Россию от Болгарии».²⁷

Как видим, налицо огромный территориальный охват, отграничение которого сделано в наших современных понятиях («политическая граница», «Россия»). В то время, как известно, границы были очень условным понятием, совпадая с пределами этнографического расселения (что можно было бы передать словами «мой границы там, где кончается мое население»).

В согласии с Ф. И. Буслаевым Н. С. Державин устанавливает сходство между Трояном и Всеславом Полоцким «Слова». «Оба они, — пишет автор, — обгоняли путь солнца, и как Троян вместе с пением петухов спешил к своей возлюбленной, чтобы убежать от солнца, так и Всеслав до кур, т. е. до петухов, успевал из Киева в Тмутаракан, волком перебегая путь великого солнца».²⁸

Тому, что это наследие является собственным, не заимствованным у южных славян, автор находит некоторое подтверждение в наличии у русских веры в оборотничество. В описании Скифии у Геродота говорится о неврах, которые считаются предшественниками белорусов, что они умели оборачиваться в различных животных.²⁹

Автор ближайшим предшественником Трояна считает царя Трояна-Мидаса и разделяет мысль Вс. Миллера о том, что в основе легенды о сказочном царе Трояне-Мидасе лежит «отложение старого наследия фригийско-фракийской культуры».³⁰

Такова в общих чертах сложная теория Н. С. Державина.

Не вполне последовательно со своим историческим тезисом об императоре Траяне автор отождествляет землю Трояна с Киевской Русью. Седьмой век он считает седьмым веком после падения римского владычества в «Киевско-Дунайской области». К седьмому веку после Траяна (умер в 117 г. н. э.) относится и образ Киевской державы. Слово «тропа» является, по мнению автора, видоизмененным заимствованием названия исторического монумента «Трораеум Трајани».³¹

Мы не можем согласиться с основными предпосылками взгляда Н. С. Державина. Прежде всего невозможно допустить, чтобы имя скандинавского бога было образцом для бога Трояна не только потому, что, как отмечает сам автор, функциональная роль бога совсем иная, чем роль Трояна, но и потому, что в VI в. н. э., когда мог появиться бог Троян,

²⁵ Там же, стр. 45.

²⁶ Н. С. Державин. История Болгарии, т. I, стр. 207.

²⁷ Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 13. Первый, кто высказал мысль о том, что бог Троян — обоготворение императора Траяна, был анонимный автор XVI в., полагавший, что все главные языческие боги — Перун, Хорс, Дый и Троян — появились в результате обожествления обыкновенных людей, «старейшин», проживавших: Перун у греков, Хорс на острове Кипре, Троян в Риме. Работа анонимного автора относится к так называемой обличительной литературе: надо было низвергнуть богов, утверждая, что это люди (Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1865, стр. 1004).

²⁸ Н. С. Державин. История Болгарии, т. I, стр. 210.

²⁹ Там же, стр. 210—211.

³⁰ Там же, стр. 208; Вс. Миллер. По поводу Трояна и Бояна..., стр. 240—247.

³¹ Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 44 и 46—49.